

Прошло дней пять, может больше.

Я думал, умру в первый же день.

Вера усмехнулся оттого, что еще дышит.

Я не хочу этого признавать, но, похоже, забота и лечение Рене сработали.

Она даже уменьшила свою порцию седы, чтобы дать ему больше сил для борьбы со смертью. И ее божественность, которую она с трудом собирала из остатков своей ныне утраченной силы, заметно отсрочила его смерть.

Однако, не более того.

- Кажется, тебе становится лучше. Давай потрудимся еще немного.

Произнесла Рене, на что Вера повернул голову к ней и ответил.

- Ерунда. Просто я проживу немного дольше.

Это дало ему чуть больше времени, только и всего.

Рана так и не затянулась, а боль становится яростнее с каждым днем.

Травмы, которые постепенно усугублялись в течение последней недели, теперь отняли у него все силы, необходимые даже для того, чтобы пошевелить кончиками пальцев.

Тяжело дыша, Вера произнес.

- Как насчет того, чтобы признать наконец?

- Что ты имеешь ввиду?

- Твои усилия ушли впустую, я скоро умру.

Рене покачала головой с улыбкой на губах, на произнесенные Верой слова.

- Ты не можешь знать наверняка.

Вера нахмурился.

- Ничего не изменится оттого, что ты говоришь так.

- Ты никогда не узнаешь, если не постараться.

Ее ответ так никогда и не менялся.

Снова, Вера почувствовал как у него скрутило живот.

Ее настойчивость заставила его чувствовать себя таким жалким.

- Ты такой глупый человек.

- Это значит быть полной любви.

- Ты что попугай?

- Как такое может быть, как видишь, я человек.

- Ты не любишь проигрывать в словесной баталии, да?

- Желание победить - хороший стимул для совершенствования.

Вера поморщился.

Он хотел вздохнуть, но пронизывающая тело боль затрудняла дыхание..

- Если бы я был в состоянии, то дал бы тебе пощечину..

- Хороший настрой. Я подожду этого, так что поскорее выздоравливай.

Рене сказала это, прислонившись к стене рядом с Верой, который лежал, а затем достала свой крест.

Платиновый крест, который с первого взгляда можно было распознать, как нечто драгоценное.

Символ первосвященников Святого Королевства.

Она всегда достает свой крест, сжимает в руках и молится, когда у нее есть время.

В один день, я спросил ее, о чем она так безудержно молится.

Тогда она сказала, что молилась о его выздоровлении. На его взгляд, довольно забавное желание, которое на ее месте мог бы иметь лишь идиот.

Вспоминая свое прошлое, Вера невольно произнес, глядя на Рене.

- ...Этот крест, если ты не собираешься избавиться от него, то лучше оставить его здесь.

- Как я могу?

- Ты умрешь из за него.

Вера взглянул на Рене, у которой еще были закрыты глаза, и сказал это как-бы в подтверждение.

Это не было чепухой.

Это нечто, что должно произойти в трущобах.

Падальщики.

Их так называли потому, что они забирали все ценное, что только могли найти, даже если это органы трупов.

Если они увидят крест, то Рене станет их мишенью моментально.

Эти мерзавцы сначала перережут шею Рене ножом, чтобы забрать крест с трупа, а после еще и выпотрошат ее, чтобы продать органы - и только тогда они выбросят ее труп.

- Падальщики - это кучка безумцев, которые живут сегодняшним днем. Если им дадут шанс заработать денег, они рискнут даже стать целью всего Святого Королевства из-за кражи этого креста.

После стольких произнесенных слов за раз, его грудь заболела снова.

Вера тяжело дышал от пронизывающей его боли и вновь нахмурился.

Он не знал, почему завел этот разговор. Он не мог понять, с чего бы он стал таким заботливым.

Будучи на грани смерти, я начал сходить с ума?

- Это грустно.

Такой ответ он получил.

Рене открыла глаза и продолжила с небольшой улыбкой на своем лице.

- Должно быть, они живут так потому, что у них нет иного выбора.

- Хах, если бы Каррик услышал это, он бы рассмеялся до упаду.

- Кто он?

- Первый падальщик.

- Ох, похоже это кто-то хорошо известный.

- Вроде того.

Именно он создал самую страшную тень трущоб, так что такой вывод нельзя назвать неверным.

- Они не достойны сочувствия.

- Есть ли в мире человек недостойный сочувствия?

- Ты живешь в розовом мире.

- Я не могу его видеть, поэтому представляю этот мир у себя в голове.

- ...Прекрати.

Вера прикрыл свои глаза.

Он никогда не терял спокойствия на протяжении всей своей несчастной жизни, но всякий раз, когда он разговаривал с ней, ему всегда казалось, что с ним играют.

Серьезно, она была человеком, который больше походил на чудачку, нежели на Святую, сколько бы он ни думал об этом.

С тех пор, как она принесла его сюда, она не спросила ничего о нем.

Даже его имени, не говоря о его личности или прошлом.

Если это из за того, что он ей не интересен, это тоже не имеет смысла.

Она посвящала почти все свое время уходу за ним и не проявляла никаких признаков усталости или раздражения.

Всякий раз, когда боль сводила его с ума, Рене держала его за руку и разговаривала с ним, она продолжала кормить его каждый день, хотя ей и самой-то не всегда удавалось поесть.

Можно было бы сказать, что это было добротой Святой, но Вере это показалось скорее странностью, чем добротой.

'...Нет, не совсем так.'

Вера издал сдавленный смешок.

По правде говоря, он предпочел бы не думать об этом как о доброте, а потому и называл это странностью.

Несмотря на то, что они оба прожили несчастную жизнь, ее непоколебимый свет был настолько ярким, что заставил его осознать, в какой грязи он был покрыт, вот почему он оправдывал себя так.

Вера смиренно признал.

Ему было стыдно за свое прошлое, в котором он жил будучи самым мерзким из всех людей, чувствуя себя ничтожеством, он пренебрежительно относился к ней.

Она была настолько ослепительна, что оказалась способна на то, на что он не был способен.

'В конце моей жизни, я думал рядом со мной никого не останется.'

Он прожил слишком уродливую жизнь, чтобы заслуживать кого-то рядом с собой на смертном одре, поэтому даже не смел надеяться на это.

Он поклялся, что смиренно примет смерть в одиночестве, но ее свет был способен ослабить даже его решимость

Она подарила ему такую свою доброту, какую столь отвратительный человек, как он, не смел даже принять.

'...Забавно.'

Вера посмеялся над собой за то, что он положился на ее тепло.

*

Он следил за ней своим взглядом.

...Он внимательно изучал ее лицо и закрытые глаза.

Странное лицо, покрытое шрамами от ожогов, чью первоначальную форму невозможно было узнать.

Вера попытался представить, какое у нее когда-то было лицо, но это был слишком трудно оттого, как сильно оно изуродовано.

- Ты сама сделала это со своим лицом?

- О чем ты?

- ...Я говорю об ожогах.

- Да, я сделала это сама.

- По какой причине ты пошла на это?

Это было чем-то, чего Вера не понимал. Если бы ей хотелось просто скрыть свою личность, она могла бы использовать артефакты, а ежели они не помогли бы их роль на себя могла взять банальная маска.

Пока Вера ждал ее ответа, Рене ответила со смешком.

Это был тон с ноткой игривости в нем.

- Знаешь? Пока я не изуродовала свое лицо шрамами, я была красавицей, коей все восхищались.

Ее слова были неожиданно, но благодаря им Вера понял, почему она так поступила.

Вера лучше, чем кто-либо другой, знал, что красивая внешность - фатальная слабость в трущобах.

Должно быть, она хотела сказать, что она сделала это, чтобы защитить себя.

- ...Как слепая может быть так уверена в этом? Тебе не кажется, что люди, которые тебя видели, не смели назвать тебя уродливой?

Вера резко выпалил эти слова, чувствуя возмущение.

Ответ на его слова был еще более смехотворным.

- Я говорю правду.

- Как ты можешь быть так уверена?

- Ты знаешь, какого это быть слепой?

Сказала Рене и наклонилась к Вере. Ее рука легла поверх его руки.

- Будучи слепым, ты учишься хорошо различать чувства других людей. Я хорошо понимаю, говорят ли мне люди правду или же лгут.

Рука Рене скользнула по тыльной стороне ладони Веры.

- Человеческий голос оказывается удивительно многообразен, в зависимости от эмоций, которыми он насыщен. Когда ты лжешь, появляется дрожь, раскрывающая твою нерешимость, а когда ты рассказываешь душещипательную историю, голос затягивается непролитыми слезами.

Рука Рене, которая до этого поглаживала тыльную сторону ладони Веры, начала осторожно

нащупывать пульс на запястье Веры.

- А иногда возникает пульсация. Чем сильнее эмоция, тем более очевидной она становится.

- ...Почему ты говоришь об этом сейчас?

- Потому, что почти каждый, кто видел меня, имел страстный голос, когда он говорил со мной.

- Тебе не кажется, что ты просто слишком высокого мнения о себе?

- Ни в коем случае. Я уверена. Голоса тех, кто говорил мне, что я прекрасна, и жар, наполняющий их слова, имели очень туманный оттенок. Насколько мне известно, лишь любовь имеет столь яркий цвет.

- Все, кто видел тебя, влюблялись? Тебе не стыдно так превозносить свою внешность?

- Я говорю правду.

Вера увидела, как ухмылка сползла с лица Рене, когда она ответила без всякого стыда.

- Достаточно. Я задал тебе глупый вопрос.

- Жаль, что нет никакого способа доказать мои слова.

Рене убрала свою руку, коей касалась запястья Веры, и тепло, что он ощущал на своей руке исчезло.

Почувствовав пустоту, он коротко вздохнул и закрыл рот.

Когда слабеет тело, слабеет ли и разум?

Вера почувствовал, как эмоция, которую он только что испытал, уязвила его гордость.

Он, кто никогда в своей жизни не просил ни у кого помощи, ощутил сожаление оттого, что что-то тепло покинуло его. По какой-то причине, эта слабость зародилась в нем, пока он был вместе с ней.

Его воображение продолжало строить бесчисленные догадки.

Если бы я встретил тебя в другое время, в другом месте и в другом положении, отличался бы я от того, какой я сейчас? Что, если бы я встретил тебя до того, как стал злым? Прожил бы я другую жизнь, отличную от той, что у меня сейчас? Если бы это было до того, как ты

изуродовала свое лицо шрамами, влюбился бы я в тебя, как ты и говоришь?

Бесконечный поток размышлений о том, как все могло бы быть. Вера вновь почувствовал, как скрутило его живот, отчего он стряхнул эти мысли, закусив губу.

Все из-за растущей печали, которую он чувствовал с каждым новым предположением.

Ему потребовалось время в тишине, чтобы окончательно избавиться от таких мыслей.

- ...Я выйду ненадолго.

Рене произнесла.

Вера поколебавшись, сел, посмотрел на Рене, которая, пошатываясь, прижалась к стене, и снова произнес.

- Оставь свой крест здесь.

- Как я могу?

Он вновь услышал отказ.

Вера смотрел на Рене, пока та медленно уходила от него, чувствуя некое удушье и нежелание.

Из-за этого он произнес пустые слова.

- ...Я думаю все твои молитвы до сих пор были о том, чтобы кто-нибудь поскорее убил бы тебя.

- Ерунда. Я не собираюсь умирать, пока ты не встанешь на ноги.

Сказав это, Рене открыла скрипучую дверь лачуги и вышла наружу.

- Я скоро вернусь.

Слова, произнесенные все тем же спокойным голосом, что и всегда.

Это были последние слова, которые услышал от нее Вера.

<http://tl.rulate.ru/book/72277/3516096>